

Лидер группы Jethro Tull Ян Андерсон — «Газете»

«Песни просят — не усложняй»

Послезавтра в саду «Эрмитаж» открывается «Остров света» — международный фестиваль музыки и культур под открытым небом. Центральное событие фестиваля — концерт Яна Андерсона, лидера легендарной британской команды Jethro Tull. С выдающимся музыкантом беседовал корреспондент «Газеты» Илья Овчинников.

Господин Андерсон, ваше выступление анонсировано как концерт Jethro Tull, хотя это, кажется, не вполне точно.

Главный опознавательный знак Jethro Tull для большинства аудитории — это когда я играю на флейте и пою под гитару. Мне бы очень хотелось, чтобы так же хорошо узнавали и нашего постоянного гитариста Мартина Барра; однако недавно у меня был тур по Индии, присоединиться к которому члены JT не смогли. Со мной были другие музыканты, проект назывался «Ian Anderson plays Jethro Tull», но вокруг все были уверены, что приехали именно JT. По большому счету, людям все равно, и это не новость; за десятилетия через группу прошло больше двадцати музыкантов, мы все как большая семья.

Это обидно — представить группу без Мартина почти так же трудно, как и без вас.

Я всегда говорил, что без Мартина JT существовать не будет. Сейчас он приехать не смог. Мне пришлось позвать другого гитариста, зато басист JT Джонатан Нойс в этот раз с нами. А вот Дэйв Перри, увы, вообще не может барабанить: за последние месяцы он так перетрудил руки, что играть до конца года ему запретили доктора. Для меня стимулом этих гастролей было то, что без JT я могу немного поиграть другую музыку; буду рад представить в Москве замечательную скрипачку Лючию Микарелли. Она участвовала в недавнем туре JT, и мы сыграем ряд вещей из той программы.

Фотограф: Петр Касин/Газета

Можно ли сказать, что с JT все в порядке? Пациент скорее жив?

Безусловно. Скоро у нас концерты в Испании, хотя Дэйв, скорее всего, заменит за барабанами мой сын. Большой тур JT запланирован на будущий год, а лично мне нравится заниматься разными вещами — играть с одними музыкантами, с другими, с симфоническим оркестром... это дает тебе свободу. Я рос в эпоху хиппи, в эпоху свободной любви — люди позволяли себе все что угодно, но я не был таким. Я был трудолюбивым и упрямым — я не занимался музыкой вне моей группы, не заводил романов с кем попало, никогда не принимал наркотиков... Теперь мне пятьдесят восемь, и я могу позволить себе чуть больше свободы. Не так давно я играл в Турции с молодежным оркестром Анкары, артистам которого было в среднем лет по двадцать. Лючия Микарелли — двадцать два, моему теперешнему гитаристу Флориану тоже. Вместе нам легко — у них есть молодость, у меня энергия, которой хватает на всех.

В JT сегодня участвуют Мартин, Джонатан, Энди, Дэйв и вы. Не кажется ли вам, что это самый сильный состав за всю историю группы?

Во-первых, он самый крепкий и стабильный. Во-вторых, если только подумать обо всех тех вещах, которые приходится играть этим ребятам — от ранних альбо-

мов до наших новейших пьес, — то мы получим невероятное количество музыки самых разных стилей и разной степени сложности. И я вам скажу откровенно, что музыканты, работавшие в группе тридцать лет назад, просто не смогли бы сыграть многое из того, что мы играем сегодня.

Три года назад в интервью «Газете» вы говорили, что не можете и двух недель прожить, не давая концертов. Так ли это сегодня?

Живи я в идеальном мире, я бы давал концерты по пятницам, субботам и воскресеньям. Потом я летел бы домой, где отсыпался бы до среды. Но последние двадцать лет в JT играет барабанщик из Калифорнии, а при этом условии не так-то просто слетать всей группой туда на концерт, сюда еще на пару. Поэтому приходится отправляться в тур на несколько недель. Мне не очень нравится колесить целый месяц, но и дома я тоже долго сидеть не могу.

У вас есть любимые альбомы и песни JT?

Любимых песен около пятидесяти или ста, — от месяца к месяцу, от года к году их набор может меняться. В 1969 году я записал «Living in the Past» и не собирался играть ее на концертах, а в 1986 году попробовал и играю до сих пор. Забавно, да? Хотя есть песни, которые я как не любил, так и не люблю исполнять живьем — например, «Teacher» или

«Bungle in the Jungle». Они ближе к концу моего списка, а в его начале — песни с альбомов «Aqualung», «Crest of a Knave», «Songs from the Wood», «Roots to Branches»: очень люблю «Budapest», «Aqualung», «Locomotive Breath»... И это здорово, что у меня много любимых песен, иначе нам пришлось бы играть «Дым на воде» или «Лестницу в небо».

Неужели не надоело в течение стольких лет завершать концерты исполнением «Aqualung» и «Locomotive Breath»?

Знаете, если бы вы поймали меня в конце тура, то мне бы уже все надоело. А что касается этих песен, которые я играл примерно по три тысячи раз, то я всегда абсолютно счастлив, как только звучат их первые ноты. С песнями — как со старыми друзьями или с родственниками, которых ты не видел несколько лет: вот вы встретились, отлично провели несколько дней, а когда они уезжают — вы невольно радуетесь. Но «Aqualung» и «Locomotive Breath» — это как ближайшие члены семьи: вы наслаждаетесь их присутствием каждую секунду и не хотите расставаться.

Есть ли надежда на выход нового альбома JT?

Да, мы начинаем записывать его в сентябре; уже готово много новых песен — их может хватить и на альбом JT, и на мой сольный. Над одними песнями рабо-

таешь долго, а другие словно просят: не усложняй меня. Когда ты сочиняешь песню, она многое может сказать тебе, надо лишь расслышать это. Я не люблю работать слишком быстро, вещь должна отстояться.

Вы сочиняете, когда приходит вдохновение, или занимаетесь творчеством как регулярной работой?

И то и другое. Если ты полагаешься только на вдохновение, то за год тебя посетит десяток хороших идей. А может быть, ни одной! Поэтому тут необходима дисциплина: даже если у тебя нет идей, работать все равно надо. В девять утра ты садишься и начинаешь искать идеи, идти навстречу музыке. Ты можешь промучиться до обеда, а потом поймать отличную идею. Но сама по себе она не придет, если перед этим ты не потрудишься. Я горжусь тем, что с девятнадцати лет занимаюсь именно такой работой, которая одновременно и хобби, и удовольствие, и призвание. Хотя иногда случаются и чудеса — ты идешь по улице, и вдруг тебе приходит в голову мелодия, которую ты вроде бы и не искал.

В интервью вы часто говорите о политике. Почему вы не поете о ней, в отличие от недавно посетившего Москву Роджера Уотерса?

Политика — далекая от музыки материя; я не хотел бы петь ни о политике, ни о религии, ни об экологии, хотя в моей музыке эти темы иногда все равно отзываются. Иногда я вынужден быть прагматичным, как политик, но это касается лишь организации творчества. Я по-прежнему возмущен вторжением в Ирак, меня пугает всеобщее бездействие по отношению к глобальному потеплению, да и насчет мировой экономики не обольщаюсь. Но на нашем концерте я не буду об этом думать — пусть лучше пройдет дождь поильнее. Все, что сделал Горбачев, было для мира как раз таким вот освежающим дождем. Или глотком холодного пива. (Смеется.)